

В конечном итоге черты образа, созданного Татьяной Толстой в блоге, становятся чертами ее автобиографической героиней в новой прозе, в которой прямо проговариваются все темы, что много лет волновали писательницу (прежде всего, вопросы мироустройства – им посвящено большинство текстов новой прозы). Второй образ Татьяны Толстой – саркастичного, высокомерного, чрезвычайно уверенного в себе и самобытного писателя – на протяжении последних двадцати лет стал доминантной характеристикой ее литературной репутации. Два этих образа не противоположны, но являются прямым продолжением друг друга, дополняя автомиф, нацеленный на демонстрацию неоднозначности личности писательницы.

Автомиф как за-текст творчества Татьяны Толстой становится не только реакцией на меняющуюся литературную ситуацию, которая требует от писателя большей открытости и медийности, но и способом, позволившим прийти к новой прозе, написанной не от третьего, но от первого лица, а также неотъемлемой частью всех выбранных ею творческих амплуа.

§ 3. Миф о писателе: на материале жизни и творчества братьев Стругацких

DOI 10.15826/B978-5-7996-3277-9.17

Еще до 1991 г., до года смерти Аркадия Стругацкого, года выхода первого собрания сочинений братьев Стругацких и года исчезновения с карты мира страны, в которой протекала их творческая история, тексты соавторов стали не просто типографской продукцией. Из области художественной литературы они почти сразу переходили в смежные – идеологию, философию, культуру, политику и мифологию.

И уже в 1991 г., когда Борис Стругацкий взял на себя небывалую задачу по редактированию, разъяснению и интерпретации написанных им с Аркадием книг, был создан и уточнен один из самых потрясающих мифов современной отечественной литературы – миф о жизни и творчестве братьев Стругацких, который по уровню влияния на читательскую рецепцию превышает если не все, то многие аналогичные мифы и в чем-то сопоставим с лавкрафтовским мифом.

Удобство для исследователя заключается в том, что этот конкретный миф собран, обработан и обобщен в относительно небольшом наборе текстов – трех официальных биографиях братьев Стругацких (выпущенных за короткий промежуток с 2003 по 2012 г.), официальном же собрании сочинений (следует отметить, что официальным объявлялись разные собрания сочинений), публикациях Бориса Стругацкого (прежде всего «Комментарий к пройденному» и «Интервью длиной в годы»), изданиях архива писателей, осуществленных Светланой Бондаренко и межавторских сериях типа «Время учеников».

Кроме того, как часто это происходит, авторы маргинальных жанров или в силу своего небольшого таланта, или в силу отсутствия необходимости в усложнении текста максимально обнажают тот или иной прием и поэтому удобны для анализа, тогда как автор «большой» литературы менее очевиден и «считываем». Поэтому Ю. Лотман пишет о Карамзине целую книгу, в то время как для братьев Стругацких достаточно небольшой статьи.

Миф о писателе генетически связан с жанрами биографии и автобиографии, агиографической литературой, жанром «литературного памятника», и его важным признаком является создание идеализированного образа писателя с целью оказать влияние как на уже существующего читателя, так и на читателя потенциального. В этом плане квинтэссенцией мифа о писателе становится абзац «об авторе» на задней обложке книги, на которую смотрит читатель, принимая решение о том, стоит покупать ее или нет. Сейчас миф о писателе – важная составляющая маркетинговой политики автора или его литературного агента, о чем свидетельствует, например, удачно созданный и великолепно поддерживаемый пелевенский миф.

В общих чертах анализируемый миф о Стругацких схож со «сведениями об авторах» или образцовой статьей из Википедии: «Братья Стругацкие – классики русской фантастической литературы, великолепные стилисты, создавшие особое направление в литературе, и на их книгах выросло несколько поколений, они входят в десятку лучших фантастов мира».

И миф этот работает с отлаженностью отличного механизма, в котором каждая деталь тщательно подогнана под другую, и их работа позволяет ежегодно печатать новые переиздания

братьев Стругацких, публиковать фанфики и продолжения, выпускать компьютерные игры и фильмы.

Выделим основные принципы построения мифа о писателе на материале жизни и творчества братьев Стругацких.

В мифе о писателе важным является все, но первое, что обычно используется при его создании, – акцент на том или ином факте биографии. Автор детективных романов обычно работал или работает в следственных органах, автор боевиков – бывший солдат (в идеале – солдат-спецназовец или наемник) и т. д.

У Стругацких есть то, что выгодно отличает и выделяет их среди других писателей, – это сам факт рождения. Вернее, тот факт, что братья Стругацкие – это один автор, но при этом два человека. Эта необычность, эта особенность, лежащая в основе их творчества, создает не только богатую почву для мифотворчества, но и большое поле для научных исследований.

Из легенд, связанных с их соавторством и входящих в миф о Стругацких, созданных как окружением, так и читателями, традиционно выделяют две. Во-первых, совершенно фантастическая, которую старательно зафиксировал в биографии братьев Стругацких Ант Скаландис, тщательно собравший все доступные и позволенные сплетни в своей книге: легенда о том, что братья редко появлялись публично вдвоем, но многие считали, что видели их обоих, принимая за второго брата случайного человека. Продолжая эту легенду и доводя ее до абсурда, биограф говорит о версии, согласно которой в семье Стругацких вообще родился один сын, а второй есть не более чем вымысел. Мы приводим этот эпизод для того, чтобы показать, какой вид может принять фанатская фантазия и насколько живуч в массовом сознании архетипический сюжет о братьях, об их особенной связи и взаимоотношениях, и в этом плане братья Аркадий и Борис чем-то напоминают других братьев – Ромула и Рема, возможно, даже в их судьбе.

Вторая легенда, в свое время с явным наслаждением созданная самими авторами и ими же развенчанная, связана с процессом соавторской работы. Так, в ответ на журналистскую легенду о творческом процессе соавторов («вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь

писать»⁶⁷), Борис Стругацкий дает свою версию: «Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури – и за машинку»⁶⁸. Но уже потом, создавая отредактированную версию творческого пути братьев Стругацких, Борис Стругацкий выстраивает целую эволюцию механики работы – от параллельного написания (глава – Аркадий, следующая глава – Борис) до совместной работы над каждым словом:

Мы перепробовали, я полагаю, все возможные способы работы вдвоем и остановились на самом эффективном. Один сидит за машинкой, другой – рядом. Один предлагает фразу, другой ее обдумывает и вносит изменения. Первый соглашается или не соглашается. Если соглашается, – фраза заносится на бумагу. Если нет, – процесс внесения поправок продолжается. И так – фразу за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей. С точки зрения свежего человека этот метод кажется неуклюжим и излишне трудоемким. Однако это есть не что иное, как УСТНАЯ правка черновика. В каждом окончательном тексте АБС содержится на самом деле три-четыре-пять черновиков, которые никогда не были написаны, но зато были ПРОИЗНЕСЕНЫ⁶⁹.

При этом отсутствует документальное подтверждение именно такой тщательной работы над текстом, которая уже априорно делала его высокохудожественным (в том числе и в связи с литературой XIX в., литературой редакций и черновиков), так как единственная магнитофонная запись этого процесса, сделанная братьями, была впоследствии уничтожена. В немногочисленных допущенных до печати воспоминаниях родных и близких авторов также отсутствуют подтверждения именно такого стиля совместной работы. Но вне зависимости от того, миф это или факт, рассказ о мучительном и тщательном подборе каждого слова сопоставим по своей эпичности с легендами о творческих муках Дж. Джойса.

⁶⁷ Стругацкий Б. Н. «Это было потеря половины мира» // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собр. соч. : в 11 т. М., 2012. Т. 11. С. 560.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Стругацкий Б. Н. Интервью длиной в годы : по материалам офлайн-интервью. М., 2009. С. 321.

Соавторство – выгодный элемент мифа о писателе, сам факт совместной работы выделяет соавторов среди простых авторов и позволяет «вписать» тандем в парадигму уже существующих в отечественной литературе, поставив его в один ряд с Ильфом и Петровым или братьями Вайнерами.

Особый шик мифу о писателе добавляет принадлежность (явная или мифическая) автора к той или иной важной для страны фамилии или вообще фамилия как таковая. Татьяна Толстая так или иначе все равно остается внучкой Алексея Толстого (а для более образованной публики – и Михаила Лозинского), в то время как Борис Чхарташвили вынужден брать псевдоним «Акунин». Очень показательно, что пункт этот – пример нарушения причинно-следственной связи, он наглядно демонстрирует, что миф о писателе построен на иррациональном восприятии действительности. Фамилия писателя не делает его текст объективно лучше, но может повлиять на восприятие читателя, чем и пользуются создатели мифа. Так, биографы братьев Стругацких обязательно подчеркивают, что дочь Аркадия Стругацкого вышла замуж за Егора Гайдара, внука Аркадия Гайдара и Павла Петровича Бажова. Этот факт никоим образом не влияет на качество творчества братьев Стругацких, как бой в бубен не влияет на выпадение осадков в условиях Крайнего Севера, но является обязательным и важным, так как соотносит творчество соавторов со значимыми именами советской литературы.

Следующим пунктом мифа о настоящем писателе становится категорическое отрицание интертекстуальных связей почти любого порядка, его произведения рассматриваются исключительно как оригинальные. Конечно, если автор начинающий, то можно «вписать» его в школу, направление, привести легенду о том, как какой-либо писатель «сходя во гроб, благословил», но вот по отношению к состоявшемуся автору это непозволительно. И если в начале своей литературной карьеры братья Стругацкие активно пользовались расположением Ивана Ефремова и охотно упоминали/вставляли его имя рядом со своим (в частности, метр написал предисловие к повести «Хищные вещи века», что ускорило ее публикацию), то потом все изменилось, стало позволительно говорить и писать о нем в пренебрежительном тоне, особенно когда их видение советской фантастической литературы стало различаться:

С Ефремовым одно время был близок АН – они часто встречались, как правило, у Ефремова, я тоже у него бывал несколько раз <...> Конечно, писателем он был неважным, да и сам он не претендовал особо на это звание – считал себя в первую очередь философом, мечтал писать трактаты и «Диалоги» в манере древних. Те жалкие людишки, которые мнят себя сейчас и объявляют последователями «школы Ефремова», просто ничтожные пигмеи, копошащиеся в тени титана⁷⁰.

Если говорить непосредственно об интертекстуальных связях, то их необходимо было отрицать, и Борис Стругацкий, например, на вопрос одного из читателей о возможности заимствований из Станислава Лема отвечал:

Сходство между Лемом и АБС замечено специалистами уже очень давно. Существует целая серия «парных» произведений. «Эдем» – «Попытка к бегству»; «Астронавты» – «Страна багровых туч»; «Тетрадь, найденная в ванне» – «Улитка на склоне»... и т. д. Прямым влиянием объяснить это невозможно – по-польски мы не читали, а русские переводы Лема приходили к нам через два-три-четыре года после того, как АБС уже написали и опубликовали свое соответствующее «парное» произведение. Я лично объясняю эту загадку огромным сходством менталитетов⁷¹.

И в другом месте, более резко:

...самое замечательное, что никакого ВЛИЯНИЯ Лем на нас никогда не оказывал. По-польски мы не читали, а переводы попадали нам в руки только месяцы и годы спустя после того, как «соответствующая» вещь АБС была уже написана и даже напечатана⁷².

Но уже доказано, что воспоминания – это всегда «игры с памятью», и заявления Бориса Стругацкого тому яркий пример: опубликованные Светланой Бондаренко материалы, письма, дневники, издательские рецензии и пр., а также сопоставительный анализ текстов дают иную картину.

⁷⁰ Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы. С. 56.

⁷¹ Там же. С. 406

⁷² Там же. С. 83.

Так, например, анализ переписки между братьями выявляет, что до момента написания уже упомянутой «Попытки к бегству» (работа над тестом которой начата в марте 1962 г.) они были знакомы с романом Лема «Эдем»: «Твой брат, соавтор и покорный слуга уже полгода бьется, пытаясь протолкнуть хоть куда-нибудь гораздо более безобидную вещь – “Эдем” в переводе (и неплохом) Абызова»⁷³. Там же есть упоминание, что братья знакомы с другим романом С. Лема – «Рукописью, найденной в ванной»⁷⁴, в то время как повесть «Улитка на склоне» они написали только в 1965 г. Можно привести и другие примеры, но, думается, нет необходимости, тем более что в последнее время изучение интертекстуальных связей текстов братьев Стругацких становится все более популярным и количество публикаций растет.

Немаловажным, но необязательным для создания мифа о писателе является наличие образа врага, а в условиях отечественной действительности – врага в образе государства, и на память приходит обязательное предварение рассказа о творчестве Ф. М. Достоевского в советской школе информацией о его принадлежности к кружку петрашевцев, и более позднее едкое замечание А. Ахматовой по поводу ссылки И. Бродского. Так же и Стругацкие – они оппозиционны, они полулегальны при советской власти и вообще, по мнению биографов, чуть ли не определили падение этой власти своими произведениями. В этом плане характерна легенда, призванная подтвердить этот миф, – а именно история о том, что в 70–80-е гг. братьев Стругацких не публиковали из-за их литературной позиции, и для них наступили трудные времена, в том числе в финансовом плане, из-за чего Аркадий Стругацкий был вынужден опять пойти на работу, а Борис Стругацкий – продать свою коллекцию марок. Правда, выясняется, что снижение публикационной активности носит скорее технический характер (писателей публиковали в периодике, но не печатали в виде отдельных книг), а коллекция марок продана по более прозаической причине – Борис Стругацкий покупал автомобиль:

⁷³ Письмо от 14 января 1962 г. // Бондаренко С. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг., М., 2008. С. 528.

⁷⁴ Письмо от 3 апреля 1964 г. // Там же. С. 158.

Радостное событие случается в самом конце года (1976. – А. С.). 23 декабря БН покупает свою первую машину – «запорожец-мыльницу» <...> Однако цена этого «дешевого» автомобиля – около 4300 рублей. И деньги удалось наскрести только благодаря проданной коллекции марок, которую он собирал много лет⁷⁵.

Аура «запрещенности», «полулегальности» и объективной труднодоступности текстов братьев Стругацких (при этом книжный дефицит существовал не только в отношении их книг, труднодоступными были и другие, не столь одиозные произведения, как, например, повести А. Волкова или романы А. Дюма) в советское время выгодно затеняла художественные недостатки их повестей (так переписанные несколько раз на некачественной технике записи выступлений Владимира Высоцкого – с которым, кстати, Аркадий Стругацкий некоторое время активно общался, – прослушиваемые на кухне под водочку, нивелировали слабость поэтических текстов и музыкальной сопровождающей).

Миф о писателе не должен содержать никакой отрицательной информации об авторе. Весь негатив отрицается или замалчивается, причем зачастую это делается максимально агрессивно или невежественно. Приведем только один пример. Во время работы над сценарием «Сталкера» у братьев Стругацких сложились очень непростые отношения с Арсением Тарковским, которые в итоге привели к ссоре между писателями и режиссером. Факт общения и работы с одним из признанных гениев кинематографа важен для мифа о писателе, а вот размолвка с ним и тем более его нелестные замечания о писателе – нет, и Ант Скаландис пишет: «В зарубежных изданиях “Мартиролога” (дневник Тарковского. – А. С.) есть несколько пассажей о Стругацком, которые нам категорически не хочется здесь цитировать, потому что некоторые из них, противореча известным фактам, заставляют сомневаться в достоверности остальных. А еще, к несчастью, есть основания полагать, что Лариса Павловна Кизилова уничтожила ряд записей, сделанных ее мужем...»⁷⁶ Биограф не стал делать минимального стилистического или текстологического анализа, который мог бы подвергнуть сомнению принадлеж-

⁷⁵ Скаландис А. Братья Стругацкие. М., 2008. С. 429–430.

⁷⁶ Там же. С. 502.

ность тех или иных высказываний Тарковскому, он просто вычеркнул их как противоречащие мифу о писателе. Так же он поступает и с остальными бросающими тень на светлый образ фактами или слухами.

В продолжение тысячелетней традиции при создании мифа обязательным элементом становится «борьба с фарисеями» – уходящим поколением, в данном случае советских фантастов, творчество которых оценивается крайне низко (см. предыдущую цитату об И. Ефремове), а в их деятельности акцентируется исключительно конфликт с писателями, о которых создается миф. Прямо или косвенно называются и имена, в том числе Александр Казанцев. Именно с этим именем связывается два сюжета, которые регулярно ретранслировались и самими братьями Стругацкими, и их биографами. Первый – история о том, как Аркадий Стругацкий пытался редактировать новую книгу А. Казанцева, которая была написана очень плохо, при этом история эта известна исключительно со слов старшего брата (который был, по воспоминаниям современников, мастером застольного рассказа) и носит явно анекдотический характер; второй – также переданная через посредника история вручения первой в СССР премии за достижения в научной фантастике «Аэлита». Эту премию получили одновременно и А. Казанцев и братья Стругацкие, и история связана с банкетом, на котором отмечалось событие. Любопытны акценты, которые расставляют мемуаристы. Обычно отмечается, что Аркадий Стругацкий вел себя на банкете великодушно и хвалил произведения А. Казанцева, которыми зачитывался в детстве, и премия была получена и Стругацкими, и Казанцевым за реальные достижения. Но Ант Скаландис как всегда рисует мир, в котором есть только один автор, герой его книги: «Допускаю, что какая-нибудь местная или московская писательская сволочь из особо натасканных не позволила дать премию сомнительным АБС за полуантисоветскую повесть “Жук в муравейнике”, не уравновесив эту премию такой же, выданной за вклад правозащитнику Казанцеву», совершенно забывая или не зная о той популярности, которая действительно была у произведений А. Казанцева в СССР. В этом плане более корректны Дмитрий Володихин и Геннадий Прашкевич, которые отмечают в своей биографии братьев Стругацких (более выдержанной, так

как писалась она для серии «ЖЗЛ»): «У Александра Романовича Беляева, Ивана Антоновича Ефремова, Александра Петровича Казанцева и Кира Булычева поклонников тоже можно было считать миллионами. В этом смысле они, бесспорно, выдерживают сравнение с братьями Стругацкими»⁷⁷.

Предварительный же анализ конфликта Стругацкие–Казанцев позволяет говорить о том, что он носит не идеологический характер – борьба старого с новым, это не стилистический и не художественный конфликт между некачественными и качественными текстами, а скорее столкновение взглядов по вопросу о том, что такое фантастическая литература и каковы ее функции. Итогом этой борьбы, в которой обе стороны использовали максимально доступный им набор средств – от банальных доносов до изощренной «литературной мести», когда в произведение вводится крайне негативный герой, имеющий своим прототипом оппонента в споре, стало мнение о том, что фантастика – это серьезная литература и обязательно предполагает выдвижение на первый план в фантастических произведениях социальных и философских проблем. Отечественная фантастика должна была перестать быть просветительской и научно-популярной литературой, но в итоге она стала литературой развлекательной (чего вряд ли желали братья Стругацкие). Особенно хотелось бы отметить в этом плане межавторскую серию «S.T.A.L.K.E.R.», генетически восходящую к повести братьев Стругацких «Пикник на обочине»: книги из этой серии – это в большинстве своем некачественно написанные среднего уровня фантастические боевики.

Особенность мифа о Стругацких в том, что они были объявлены классиками советской фантастической литературы (их очень часто включали в десятку лучших фантастов мира), а это подразумевало отсутствие других классиков в данном направлении, да и сколько-либо значимых авторов вообще, и предполагало только появление позже «учеников». Мы уже фиксировали официальную позицию в отношении ведущих фантастов того времени (И. Ефремова и А. Казанцева). Особое место в мифе о братьях Стругацких занимает конфликт с редакцией издательства «Молодая гвардия» (1970-е гг.), кото-

⁷⁷ Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие. М., 2017. С. 200.

рый позволил выгодно вычеркнуть из истории советской фантастики целый ряд значимых имен на основании того, что они печатались в этом прибежище антисемитизма, взяточничества и бездарности, как его любили характеризовать соавторы. Отстраненный взгляд на данный конфликт, с учетом допущенных до публикации документов, позволяет предположить, что нежелание издательства публиковать сборник братьев Стругацких «Неназначенные встречи» связано не столько с личным негативным отношением к авторам Ю. Медведева (он начался еще раньше, когда в издательстве работали очень лояльные к соавторам Б. Клюева и С. Жемайтис), сколько с нежеланием соавторов внести предлагаемые правки в текст (как за десять лет до этого А. Казанцев отвергал правку Аркадия Стругацкого), который с точки зрения издательства, чья задача была публиковать книги для юношества, да и с точки зрения существовавшей тогда литературной традиции и цензуры, был написан излишне натуралистично и с немотивированно частым использованием сниженной и бранной лексики.

Кроме того, были вычеркнуты имена и тех, с кем происходили конфликты и размолвки (например, О. Ларионовой, которая если и упоминается, то в связи с анекдотической ситуацией распития водки на каком-то собрании писателей), факт существования остальных и вовсе умалчивался или обходилась стороной (так, Кир Булычев очень часто упоминается прежде всего как собутыльник Аркадия Стругацкого, а не как писатель-фантаст). Практически все остальные писатели были записаны в ученики, иногда на основании того, что Борис Стругацкий руководил семинаром молодых писателей-фантастов в Ленинграде, а Аркадий пару раз заходил на аналогичный в Москве, и список имен тех, кто принимал участие в данных семинарах, автоматически становился списком учеников.

Определенную роль в формировании легенды об особой школе Стругацких в отечественной фантастической литературе сыграли межавторские сборники (например, «Время учеников», «Важнейшее из искусств»). Их авторы опять же, несмотря на разницу в писательском мировоззрении и манере письма, были причислены к ученикам и последователям, хотя они себя таковыми и не считали, о чем прямо написал С. Лукьяненко в предуведом-

лении своего текста: «И всем нам хочется быть не “последователями Стругацких” или “русскими Гаррисонами и Хайнлайнами”, а самими собой»⁷⁸. Замечание это, впрочем, дорого стоило автору – Борис Стругацкий крайне жестко высказался по поводу его творчества: «Лукьяненко – чрезвычайно талантливый человек. Но, к сожалению, пишет он в три раза быстрее (и в три раза больше), чем следовало бы»⁷⁹. С другой стороны, Ант Скаландис, участник сборника «Время учеников» и автор одной из биографий братьев Стругацких, является автором-продолжателем серии Гарри Гаррисона «Мир смерти», и его позиционирование как представителя «школы Стругацких» столь же странно, как причисление Уве Бола к последователям итальянского неореализма.

Ну и отдельно – о каноне. Наличие мифа о писателе, как, впрочем, о любой выдающейся личности, подразумевает конечный и признанный официальным набор текстов – будь то четыре Евангелия или собрание сочинений. Борис Стругацкий в свое время озвучил цифру, которой придерживался неукоснительно и в различных выступлениях, например, отвечая на вопрос читателя, у которого никак не сходились цифры: «Кроме того, я включаю в число “повестей” нашу пьесу и НЕ включаю никакие сценарии. Получается 27 шт.»⁸⁰. Правда, потом Борис Стругацкий, видимо, неоднократно жалел о своих словах, потому как конечность текстов подразумевает конечность издательского и читательского интереса, и редкие покупатели спрашивают в книжных магазинах свежий бестселлер Гомера. Однако работа Светланы Бондаренко с архивами писателей позволила, как ни странно это звучит, опубликовать новые тексты братьев Стругацких, такие как повесть «Беспокойство» (отвергнутый авторами первоначальный вариант повести «Улитки на склоне»), повесть «Кракен» (незаконченный текст, который АНС пытался написать, несмотря на несогласие соавтора) и т. д.

Не менее интересен вопрос о собрании сочинений. Первое из них вышло в 1991 г. и стало результатом совместной работы главного редактора издательства «Текст» Михаила Гуревича

⁷⁸ Время учеников / сост. А. Чертков. М., 1996. С. 76.

⁷⁹ Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы. С. 403.

⁸⁰ Там же. С. 90.

прежде всего с Аркадием Стругацким. В мифе о братьях Стругацких это собрание сочинений не учитывается, а если и упоминается, то как результат поспешной и некачественной работы. Следующее собрание сочинений было определено Борисом Стругацким как каноничное, правда, только в 1999 г.: «Это (пока) самое полное из всех собраний сочинений АБС. Тексты в значительной степени исправлены и восстановлены. Оформление, конечно, не ах. Но оно ведь так типично для масс-продукции наших дней»⁸¹. Уже в 2005 г. понятие «канона» изменилось: «А лучшее собрание сочинений, конечно, донецкое издание, черно-золотое – самое полное, самое выверенное, самое точное»⁸². Вышедшее недавно 30-томное полное собрание сочинений, осуществленное силами Светланы Бондаренко, сейчас позиционируется как наиболее правильное и полное, и канон на данный момент создан и утвержден.

Конечно, можно спорить о том, насколько сильное влияние на читателя оказывает то, что Гомер был слеп, а Шекспир, может, и не писал шекспировские пьесы. Но все же миф о писателе играет немаловажную роль в том, какова будет рецепция читателя, насколько книги его будут популярными и даже обязательными для чтения. Конечно, миф о Стругацких был разобран нами только в первом и общем приближении, многие детали были опущены (например, эпическая легенда о спасении Светланой Бондаренко архива соавторов из горящего Донецка – на грузовике, под обстрелом, что в чем-то рифмуется со спасением Аркадия из заблокированного Ленинграда). Но уже сейчас можно говорить о следующем.

Во-первых, основой мифа является триада «биография–творчество–окружение», причем биография должна содержать в себе примечательный элемент (на ранних этапах обязательно подчеркивалось, например, что Борис Стругацкий – ученый-астроном, что утверждало его априорное право писать научную фантастику), творчество должно быть уникальным и высокохудожественным, иметь точный канон, а окружение должно быть или враждебным (что позволяло подключить сюжет преодоления), или

⁸¹ Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы. С. 84.

⁸² Там же. С. 88.

знаменитым (но только в другой области – режиссер Тарковский и актер Высоцкий), или состоять из последователей и учеников.

Во-вторых, миф о писателе редко основывается на реальной действительности, он рисует тот образ, который наиболее необходим для конкретной цели – воздействия на читателя, все не согласующееся с мифом или умалчивается, или отрицается. Миф может быть вообще иррационален и очень часто использует архетипы, самые простые, понятные и вызывающие должные ассоциации ситуации и/или образы.

И, наконец, самая главная задача мифа – увеличение «навероятнейшего количества читателей текста» (термин самих братьев Стругацких из романа «Хромая судьба»), а также обеспечение правильного его прочтения. И миф о Стругацких это обеспечил. До сих пор у нас считается почти неприличным признаваться в том, что не читал Стругацких, или в том, что они не понравились после прочтения.